

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК IV

Под редакцией

академика В. В. Струве и А. В. Королева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

Е. И. Гневушева

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АФРИКЕ С. В. АВЕРИНЦЕВА

Русский ученый Сергей Васильевич Аверинцев, зоолог по специальности, глубоко интересовавшийся морской фауной, в Африку попал по несчастной случайности. В 1911 г. Академия наук назначила ему бейтензоргскую стипендию для научной работы в Малайском архипелаге¹.

Он очень тщательно разработал план своих исследований, считывая кроме Явы побывать на Макассаре и на островах неподалеку от о-ва Сулавеси (Целебес). Он перечитал все то, что вышло из-под пера русских и иностранных ученых, побывавших до него в Индонезии, полгода учил малайский язык; в тропики он направлялся через Европу, обеспечив себя рекомендациями гамбургских ученых, на случай, если ему придется посетить немецкие колонии в Африке. Как они емугодились! Запасшись в избытке советами, рекомендациями, реактивами, посудой и прочим, 25 марта 1911 г. он отплыл из Гамбурга на пароходе через Средиземное море к Яве. Когда пароход приближался к Адену, наблюдалось необыкновенное свечение моря. Аверинцеву захотелось исследовать под микроскопом морскую воду. С ведерком подошел он к корме, но зачерпнуть воды ему не удалось: он оступился и упал, почти лишившись сознания. О том, чтобы продолжать путь дальше, нечего было и думать: перелом ноги изменил все планы ученого. Помимо мучительной боли, его одолевали мрачные мысли: ему казалось, что все его предварительные труды пропали, что его научная командировка будет безрезультатной.

В Дар-эс-Саламе, главном городе немецкой Восточной Африки, его на носилках отправили в госпиталь. Только через месяц он мог ходить. Сергей Васильевич решил до окончательного выздоровления поработать в Биологическом сельскохозяйственном институте Амани, расположенном недалеко от Дар-эс-Салама. Здесь с Аверинцевым случилась новая беда: он заболел дизентерией. С мыслью о том, чтобы все-таки продолжать путь до Явы, пришлось расстаться.

Сергей Васильевич, оставшись в Африке, утешался мыслью, что места, в которые он попал, те же тропики, к тому же действительно

¹ Бейтензоргская стипендия была учреждена Академией наук в 1897 г. и выдавалась русским ученым — ботаникам и зоологам — для работы в Ботаническом саду Бейтензорга (Богора) на Яве.

редко кому из европейских ученых немцев удалось побывать в немецких африканских колониях. План своей научной работы в тропиках Аверинцев выполнил, хотя и в несколько измененном виде².

Кроме Дар-эс-Салама и Амани, Сергей Васильевич, по его словам, хорошо ознакомился со всей прибрежной полосой Восточной Африки к югу от Танки. Побывал он на о-ве Занзибаре, в Мозамбике, Лоренцо-Маркесе, Бейре, Дурбане... Побывал и в немецкой Юго-Западной Африке, а затем уже через Канарские острова направился в обратный путь — в Европу.

Следуя примеру своих предшественников, Аверинцев в отчете касался не только научных проблем; он описывал африканские города — резиденции немецких колонизаторов, удивляясь и восхищаясь природой тропиков; он дал четкую картину немецкой колониальной системы. Это свидетельство русского ученого-зоолога имеет важное значение и для историка.

Еще лежа в госпитале, Сергей Васильевич начал изучать язык кисвахили, наиболее распространенный среди африканских народностей; ученый был глубоко убежден, что натуралиста ждет неудача, если он не знает языка народа той страны, где ему приходится жить и работать. Так как теоретическое изучение сопровождалось богатой практикой, то он быстро овладел этим языком.

Первым городом тропической Африки, который узнал Аверинцев, был Дар-эс-Салам, несомненно один из самых больших городов Восточной Африки; в нем жило до 20 тыс. населения, из них около 1 тыс. европейцев. Этот город ученый видел из окна больницы палаты, а позднее мог обозревать чудесный пейзаж с веранды палаты. Волны океана бились о берег, где стоял госпиталь; вдали виднелись острова, при отливе обнажались коралловые рифы. Непривычные деревья окружали госпиталь: пальмы разных видов, панданусы, казуарины, гигант-баобаб. Когда впервые Аверинцев совершил прогулку по городу, он был очарован: после длительного пребывания в больнице город показался ему красивейшим из всех виденных до сих пор. «Целый лес удивительных по изяществу и красоте пальм, роскошные музы и равеналии, деревья, сплошь усеянные цветами, чистенькие домики европейцев, окруженные верандами и все потонувшие в зелени, набережная, до самой воды засаженная деревьями, яркое солнце, синее небо — все, словом, и пленяло и поражало меня»³. Такова была европейская часть города. Потом, когда Аверинцев побывал в арабском квартале, совершенно лишенном зелени, и познакомился с кварталом, где жили африканцы, мнение его о Дар-эс-Саламе стало иным.

В Дар-эс-Саламе Аверинцев работал в лаборатории, где некогда проводил свои исследования знаменитый Кох, о чем свидетельствовала мемориальная доска, вделанная в стену. Из Дар-эс-Салама он перебрался в Биологический сельскохозяйственный институт Амани. Это научное учреждение было мало известно и в России и в Германии, и описанию его Аверинцев отвел несколько страниц.

² Аверинцев писал в отчете: «...исследование паразитов крови (особенно Leucocytozoa) позвоночных животных, собрание материалов по Мухо-и Microsporidia и по другим паразитическим простейшим, а также по Dinoflagellata и изучение фауны на небольшом пространстве морского дна — вот главнейшие пункты намеченной мной программы работ. К этому присоединялось еще собрание из различных водоемов пресноводных, Rizozoa, вопросами географического распределения которых я давно питаюсь... Эти задачи выполнены мной довольно успешно» (С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет о поездке на стипендию, учрежденную при Бейтензоргском Ботаническом саде*, — «Записки Академии наук», VIII серия, СПб., т. 31, 1913, № 6, стр. 3, 15).

³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 37.

Сельскохозяйственный биологический опытный институт Амани расположен в горах восточной Узамбары. Горы перед путешественником возникали на прибрежной равнине как-то внезапно. Множество ущелий, долин, отрогов делало их необыкновенно живописными.

Директор института проф. Циммерман, сопровождавший Аверинцева, по пути к Амани останавливал его внимание на диковинках растительного мира: то это были растения чужеземных тропиков, например японские; то невиданные фруктовые деревья или необыкновенные пальмы; то опытные посадки гвоздики; то рощи кофейных и хинных деревьев. Наконец показались здания института. Сергей Васильевич вошел в отведенную для него комнату. Окно было распахнуто, и перед его глазами открылась необыкновенная картина искрящейся реки, тропического леса, гор и безграничного простора долин. Странная мысль остаться тут навсегда возникла у Сергея Васильевича. «Несмотря на массу пережитых за дорогу впечатлений, развернувшаяся передо мной картина так чарует меня, что в голове мелькает мысль, как хорошо было бы прожить здесь, у этого окна, всю жизнь...». Аверинцев сравнивает свои впечатления с теми, которые он берег в памяти от путешествий в другие страны. «Много пришлось мне повидать, — пишет он. — Любовался я и мрачными скалами Медвежьего острова, и очаровательными фиордами Норвегии, суровыми Альпами и бирюзовыми волнами Неаполитанского залива, но того величия, мощи и красоты, что пришлось увидеть мне из окна Fremplehaus Амани, я еще не встречал»⁴. На следующий день Сергей Васильевич уже работал над своей темой.

В институте изучались главным образом культуры каучуковых деревьев, волокнистых, медицинских и других растений и риса. Аверинцев не мог не отметить, что работы велись в интересах крупных плантаторов.

Лаборатории, мастерские, библиотеки, участки тропического леса, естественная лаборатория для ботаников — все было организовано, как того требовала современная наука. В реактивах, препаратах, посуде не ощущалось недостатка. Но более всего был доволен наш ученый природной обстановкой. «Одну из главнейших прелестей работы и пребывания в Амани представляет тянущийся на большое расстояние и необычайно разнообразный по своему составу настоящий первобытный тропический лес. Из окна лаборатории, отовсюду вы можете видеть стену этого леса, окружающего Амани с двух сторон. Уже из окна лаборатории вам сразу бросаются в глаза его некоторые особенности, его характерные черты. Мне кажется, что едва ли где в другом месте так счастливо сочетались вместе два условия: нетронутый, действительно девственный, тропический лес и хорошо устроенная и оборудованная лаборатория»⁵. Еще по дороге из Дар-эс-Салама в Амани Аверинцев наслаждался видом тропиков из окна вагона. В предместье Танги поезд нырнул в рощу стройных кокосовых пальм, между которыми попадались манговые деревья с яркой темно-зеленой листвой. Кое-где выглядывала хижина местного жителя, сплетенная из прутьев и промазанная глиной. А дальше шли поля, поля, поля. Наш путешественник сразу узнал кукурузу и маниоку — основные злаки, культивируемые на полях. Местами встречалось удивительное дерево — папайя; листьев на нем было очень мало, да и то на самой вершине, зато все оно было увешано множеством плодов,

⁴ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, — журн. «Природа», М., 1912, стр. 231.

⁵ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 25.

похожих на тыкву; вкусом эти плоды напоминали дыню. Дальше и дальше шел поезд; деревенские поля сменялись плантациями сизалевого дерева, из листьев которого делали очень прочное волокно; огромны были плантации каучуковых деревьев.

Аверинцев отметил удивительную для него величину плантаций. «Часто они так велики, — пишет Аверинцев, — что поезд бежит несколько километров вдоль владений одной и той же фермы»⁶. Там где почва была хуже, поля африканцев и плантации колонизаторов уступали место лесу. «Он совсем не напоминает нашего леса. Деревьев сравнительно немного; иногда между ними высокая, точно кустарник, трава, иногда же болотце, заросшее громадным тростником. Деревья стоят отдельными кучами и все сплошь увиты вьющимися растениями, не достигающими, однако, толщины лиан, характерных растений настоящего тропического леса. Местами попадает какая-нибудь пальма, местами мелькнет могучий ствол чаще всего безлистного баобаба, но всего обычнее здесь удивительные кактусообразные, канделябровые деревья из эуфорбиевых, по большей части окруженных более мелкой растительностью, над которой они вздымают свои раскидистые, всеми ветвями и веточками направленные к небу вершины»⁷. Но это еще не был настоящий первобытный лес. Во всей своей красоте и величии он поднимался за высокой горой Магратто — передним выступом Узамбары.

Две незначительные по протяженности железнодорожные линии (Танго — Маkania и Дар-эс-Салам — Кикомбо) и несколько шоссейных дорог не удовлетворяли потребностей в транспорте. И правительственные чиновники, и торговцы, и редкие путешественники пользовались пешеходными тропами и услугами носильщиков. Из конца в конец огромной территории тянулись узкие тропинки, по которым можно было идти лишь гуськом. По ним-то и отправился Аверинцев из Аmani в глубь тропического леса. Путешествие длилось всего несколько дней, но доставило ему столько незабываемых впечатлений, которые, как он уверял, навсегда связали его с Африкой. «По-моему, всякого, кому довелось хоть раз в жизни совершить его (тропическое путешествие. — Е. Г.), будет временами тянуть, как перелетную птицу, в нагорья, леса и степи Черного континента»⁸, — писал Сергей Васильевич.

В путешествие он отправился только с африканцами-носильщиками. К этому времени Сергей Васильевич мог легко объясняться на суахили, и никаких недоразумений с африканцами у него не могло быть. Шли обычно 5—6 часов, отдыхая по пути раз, а то и два, а затем следовал длительный отдых. Останавливались лагерем то на опушке девственного леса, то у баобаба необъятной толщины, то в тени шестелеющих пальм. Пока наш путешественник делал заметки в своем дневнике, занимался коллекциями, его спутники разводили костер, готовили пищу, отдыхали. Из соседней деревушки приходили «на огонек» любопытные, и в предзакатный час завязывалась у костра обстоятельная беседа, которая Аверинцеву напоминала такие же беседы в такие же вечерние часы на завалинках русских изб.

Не переставая, любовался Сергей Васильевич все новыми и новыми видами, открывавшимися перед ним при каждом повороте тропы. Он находил четкие образы сравнений: «Европейский ландшафт — это нежная акварель, тропический же — яркая, блещущая масляны-

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же.

⁸ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 144б.

ми красками картина». Действительно, как не залюбоваться, несмотря на непривычную и, надо сказать, тяжелую жару и духоту. «Солнце не палит, но жарко, и воздух напоен парами, точно в оранжерее... То тут, то там мчатся и шумят горные ручьи; всюду водопадики и водоскаты, окаймленные, как рамой, тысячами красных бальзаминов... На прогалинах все стволы закрыты заброшенным на них зеленым ковром, — густой сетью всевозможных вьющихся растений, местами усеянных крупными белыми или багряными цветами...»⁹. Медленно подымались путешественники вверх, по склону горы, поросшему высоким лесом, и чувствовали себя ничтожными, пробираясь у подножия деревьев-великанов, вершины которых было трудно разглядеть. У русского ученого было очень хорошее зрение, но он не мог зачастую рассмотреть формы листьев деревьев, так высоки они были. Некоторые деревья достигали 40—50 м высоты. Вот как описал Аверинцев тропический лес Восточной Африки: «Необычайно толстые стволы этих великанов и их колоссальные кроны особенно поражают тогда, когда стоишь на краю леса, на прогалине, или любуешься им с вершины обрыва, когда лес раскинут у твоих ног и его сплетающиеся верхушки представляют подобие ярко-зеленого луга. Между колоссами приютилось более мелкое население — деревья в 10—20 метров высотой; еще ближе, у самой земли, растут травы, обычно напоминавшие мне кустарники, дикие бананы, папоротники, мхи... Всюду видны лианы различной толщины — то едва достигающие диаметра мизинца, то превышающие толщиной руку. Они десятками и сотнями взбегают вверх по стволам, свешиваются вниз, перебрасываются с одной ветви на другую и этим разнообразием, этой необычайностью постоянно поражают и привлекают наблюдателя, представляя одну из лучших и замечательных частей картины тропического леса.

Местами лианы взбегают вверх по высочайшим стволам ровно и прямо, без всяких изгибов, теряясь где-то далеко в вышине, так что невольно поражаешься, как они могли так вырасти, как они могли туда взобраться; местами, напротив, лианы оплетают ствол и друг друга такими причудливыми перегибами, прилегают друг к другу и к дереву так тесно, что положительно отказываешься решить, где одно и где другое растение.

Там и сям на стволах деревьев, как гигантские удивительно красивые воротники, разместились различные папоротники и другие эпифиты — и эта картина тоже необычайна и привлекательна. Вдоль ручьев, а временами и в глубине скалистых сырых уступов ютятся, всегда группами, превосходные экземпляры древовидных папоротников. Их нежные узорчато-раскидистые кроны невольно переносят мысль в далекие минувшие эпохи и оживляют те представления о геологических периодах, которые сложились у нас при чтении книг и изучении ископаемых остатков»¹⁰.

Цветы в тропическом лесу Аверинцев встречал редко, но если уж они встречались, то были необыкновенны по величине, необычны по окраске.

Некоторые породы деревьев периодически сбрасывали листву, но это не оказывало сколько-нибудь значительного изменения на вид тропического леса: «В общем его картина вечно остается одной и той же, — отметил Аверинцев. — Богатство оттенков зеленой листвы поражало: нежно-зеленые, желтоватые тона одновременно чередовались

⁹ Там же, стр. 1447.

¹⁰ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 26—27.

с темной, почти черной листвой. Разнообразны по окраске были и стволы, всегда удивительно прямые и ровные. Число видов здесь так велико и настолько они перемешаны, что с трудом находишь два одинаковых дерева... Все так удивительно, все так необычайно...»¹¹. Он жаловался на трудность экскурсий в тропическом лесу: масса листвы преграждала путь солнечным лучам, внизу темно, препятствуют движению кустистая трава и лианы; иногда даже с топором невозможно было проложить дорогу. Русского ученого сразу же поразила в африканском лесу его необыкновенная тишина. Редко-редко раздавался крик голубя, да вечером можно было услышать кваканье лягушек и тихий треск цикад.

По собственному признанию, Сергей Васильевич никогда не увлекался сухопутной фауной; его всегда привлекало море богатством и разнообразием фауны. Попав в тропики, Аверинцев неожиданно для себя заинтересовался фауной африканского леса и со страстью, свойственной первооткрывателю, стал собирать коллекции дождевых червей, муравьев, многоножек, лягушек и жаб. Собирая зоологические коллекции, Аверинцев увлекался сам и увлекал всех тех, кто его окружал. Крупных животных он видел редко. Он быстро привык к обезьянам, передвигавшимся стаями по ветвям деревьев; большей частью это были мартышки. Иные виды были так малы, что напоминали Аверинцеву белок.

Путешественники поднялись на перевал. За отвесно падающим обрывом стала видна бесконечная равнина, а по ней, искрясь на солнце, извивалась река. Совсем близкими казались массивы западной Узамбары. Спускаясь вниз с горы Гониа (восточнее Узамбары), все чаще стали встречаться селения. Аверинцев попал в ту область Узамбары, которая была населена народом шамбала (группа банту). Его ученый характеризует как низкорослый, слабосильный, но способный. Все шамбала занимались земледелием: возделывали бананы, маис, сахарный тростник, тапиоку. Сергей Васильевич опровергает неправильное, но широко распространенное мнение о якобы большой легкости ведения сельского хозяйства в тропиках. На самом деле плодов, дико растущих в лесах, в рот не возьмешь. Ко всему надо приложить труд, и немалый. Солнце, которое светит и греет круглый год, не избавляет от необходимости тщательно обрабатывать почву, удобрять ее. А сколько труда требует искусственное орошение, без которого в тропиках немыслимо занятие земледелием: осадки выпадают нерегулярно. Сколько забот требует охрана полей от диких животных — свиней и обезьян!

Около деревни Мугасамбога река Тангани разбивается на множество рукавов, всюду видны острова («тысяча островов»), поросшие густым лесом, а немного ниже этого чудесного пейзажа река падает вниз с высоты 90 м. «Лес, искрящиеся, переливающие на солнце всеми цветами радуги брызги, пенящиеся и клубящиеся потоки воды, темно-синее небо, жгучее солнце — все это создает волшебное зрелище»¹², — восхищался Сергей Васильевич. Иногда по дороге встречались термитники выше человеческого роста; спутники Аверинцева говорили, что им доводилось видеть постройки термитов высотой до 5 м.

Для более полного знакомства с восточноафриканской фауной русский ученый совершил путешествие на лодке-однодревке вверх по реке Сиги из бухты Танги. Низкие берега, сплошь заросшие мангровы-

¹¹ Там же, стр. 28.

¹² С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1449.

ми, постепенно становились круче; менялся и характер растительности: по обеим сторонам реки стеной стоял густой лес. Он был наполнен поющими птицами и многочисленными мелкими животными — обезьянами, белками, которые, перепрыгивая с дерева на дерево, приближались близко к реке. На отмелях грелись на солнце крокодилы, но, заслышав приближающуюся лодку, они тотчас же сползали в воду.

Сергей Васильевич не мог не заметить как хищнически истреблялся девственный лес Африки, как бессмысленно уничтожались редкие животные. «Дичи почти повсюду много, — писал Аверинцев, — но, конечно, что-нибудь редкое получить трудно, — для этого необходимо или очень долго пробыть в стране, или же забираться далеко вглубь, где мало людей и звери не выбиты и не распуганы. С каждым годом ценных животных становится все меньше»¹³. Меры, предпринимаемые немцами и английскими колониальными властями, лишь подтверждали стремительную убыль животного мира Африки: были определены заповедники для животных, установлены штрафы, и за право убить ценное животное — слона или жирафа — нужно было уплатить значительную сумму. Но, пожив немного в Африке, Аверинцев убедился в довольно грустном факте: животный мир Африки неотвратимо беднел. Это было подтверждено его ознакомлением в Дурбане с делами китобойной компании, которые, по мнению всех, шли «более чем блестяще». Действительно, за год, предшествовавший времени пребывания в Африке нашего путешественника, т. е. 1910, акционеры получили около 80% дивидендов. Аверинцев усмотрел неизбежный результат такой предпринимательской активности: «Истребление китов ведется энергично, и недалеко, конечно, время, когда их совсем не будет у берегов Африки. В этом случае здесь наблюдается то же, что и в других местах этой богатейшей по количеству всякой крупной и мелкой дичи части света. Спортсмены и охотники выбивают громадное число особей, и теперь это истребление сказывается весьма чувствительно, так что, например, носорога можно встретить с большим трудом, каффрского буйвола почти совсем нет, слоны стали очень редки, а также убывла и другая менее ценная дичь... Вымирание целого ряда видов идет необычайно быстро, и никакие охранительные законы не остановят этого процесса, в котором главную и такую жестокую роль играет человек. В связи с культурным завоеванием Африки находится полное обеднение ее природы: истребление тропических лесов, исчезновение своеобразных степных ландшафтов, уничтожение богатейшей фауны млекопитающих и т. п.»¹⁴ «Культурное завоевание Африки» в таком контексте выглядит как суровая ирония.

Разрушительным было это влияние и для коренного населения Африки — африканцев. В немецкой колонии Восточной Африки можно было встретить представителей многих народов, некоторые из них Аверинцев называет вадиго, вабондеи, ваниамбези, банту, массал, васуахили. Одни племена имели старейшин, у других процесс классового разделения зашел уже далеко: по крайней мере Аверинцев говорит о князьях. Каждое племя говорило на своем языке, но общим для всех, своеобразным «*lingua franca*» был язык кисуахили, на котором говорил народ васуахили. Именно этот язык и выучил Аверинцев.

Аверинцев учился различать отдельные народы по наружности. Цвет кожи — вот основное отличие африканского населения от остальных районов земного шара. Конечно, курчавые волосы, широкий нос,

¹³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 47.

¹⁴ Там же, стр. 60.

полные губы, белые зубы — все это характерные черты африканца. Ученый видел красоту в уроженце Африки: «Фигуры как мужчин, так и женщин отличаются красотой формы и силой; необычайно интересны и гармоничны пропорции отдельных частей... Жировых образований не видно; под блестящей кожей тонких рук и ног ясно прорисовываются отдельные мускулы. Удивительно изящна походка, вырабатываемая, по-видимому, при носке всевозможных тяжестей на голове; легко, просто и красиво, слегка балансируя, несут они на головах большие четырехугольные керосиновые жестянки, полные воды, подымаясь по горе от ручья... Прекрасный материал для скульптора и художника!»¹⁵. Он любовался темнокожими детьми: «Особенно красивы и симпатичны дети с их быстрыми, живыми черными глазами»¹⁶. Но стариков и старух встречалось мало. Только один раз увидел Сергей Васильевич африканца, в черных волосах которого сверкала седина. Страшная смертность среди местного населения — вот единственное объяснение, полученное Аверинцевым: «Мне передавали, что почти нет туземцев старше 40—45 лет. Малярия, дизентерия и употребление с детства алкоголя, вот главнейшие причины вымирания»¹⁷.

Перемена климата не прошла даром для русского ученого. Сергей Васильевич заболел. С большим напряжением закончил он свои работы в Амани. На прощанье поднялся он на вершину Бомоле, побродил по берегу ручья, где росли гигантские бамбуки, и долго сидел на веранде, до тех пор пока поднявшиеся из ущелья туманы не закрыли собой все. Из Амани Сергей Васильевич перебрался в Танги. Танги после Дар-эс-Салама была самым значительным портом немецкой Восточной Африки, возле нее была сосредоточена большая часть плантаций. В Танге можно было встретить и гоанезов (потомков португальцев, смешавшихся с индийцами), и арабов и индийцев. Сергей Васильевич уверял, что здесь можно было встретить представителей почти всех народов, населявших немецкую колонию в Восточной Африке. По мнению русского ученого, народ васуахили был «наиболее образованным по языку и обычаям, сильно арабизированным торговым племенем». Предприимчивость и торговая активность толкала африканцев васуахили на длительные странствования. Они были известны далеко внутри Африки — у озер Виктория и Танганьика и даже в Бельгийском Конго.

Немецкие колонизаторы под лицемерным предлогом «оздоровления городов» выселяли из них африканцев. Неоднократно русский ученый посещал африканские селения. Хижины васуахили, живших близ города Танги, по описанию Аверинцева, представляли собой весьма незатейливые постройки из жердей и глины, всегда без окон; крыша из пальмовых листьев по своей форме напоминала Аверинцеву соломенную кровлю русской избы. Перед входом в хижину обычно строилась «бараса» — подобие веранды, где женщины и дети занимались домашней работой. Русский ученый был внимателен к жизни коренного населения. Он описал жилье, одежду представителей народа васуахили, с которыми чаще всего общался, их пищу, орудия труда, их искусство, интересовался, как они развлекались. Одежда васуахили была, по мнению Аверинцева, «простой, но не лишенной красоты». Мужчины носили длинную рубаху, а то и две, вторая тогда служила подобием халата. На голове — белая с тонкой вышивкой шапочка или феска. Для женского костюма употреблялись два куска материи —

¹⁵ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1448.

¹⁶ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 219.

¹⁷ Там же.

черной или с ярким крупным рисунком, обычно европейского производства. Этими кусками тканей женщины искусно драпировались. Удивительна была женская прическа: мельчайшие косички заплетались — сосчитать их было невозможно! — и укладывались правильными рядами от лба к затылку. Не каждая франтиха умела возвести у себя на голове такое сооружение. Известностью пользовались мастерицы, которые не так уж дешево ценили свои услуги. Женщины любили украшать себя ювелирными изделиями: и в уши и в нос были воткнуты металлические украшения, а то и просто цветная бумага.

Самой употребительной пищей был рис, лук, сахарный тростник; любимым блюдом была сушеная акула. В рыбацких деревушках в пище, естественно, преобладала рыба. Здесь всегда можно было встретить лавчонку араба-«дука», где можно купить рис и другие виды питания, а также и необходимую хозяйственную мелочь. Все приспособления для рыбной ловли у африканцев были очень примитивны — крючки, верши, небольшие неводы; также примитивны были их лодки с двумя бревнами по бортам для устойчивости. Благодаря белому парусу такую лодку можно было видеть далеко в открытом океане. Но как ни примитивны были орудия ловли рыбы, улов всегда был значителен: моря, омывающие восточные берега Африки, были очень богаты рыбой.

После трудовой недели, обычно в субботу вечером, африканцы собирались вместе, пели и танцевали. Единственным инструментом был барабан. Он делался из ствола особого дуплистого дерева, на который с одной стороны натягивалась кожа. Аккомпанементом служили также прихлопывания в ладоши и выкрики в такт. Аверинцев находил негритянские танцы очень интересными и отметил музыкальность африканцев.

В музее Кейптауна, где собраны богатые минералогические и палеонтологические коллекции, Аверинцев набрел на маленькую комнату с вещественными памятниками, относящимися к истории и искусству африканских народов. Это были рисунки, высеченные на камне известными местными художниками задолго до прихода в Африку европейцев. Аверинцев восхищался этими рисунками, назвав их великолепными. «Животные сделаны прекрасно, — писал он, — особенно удались этим первобытным художникам слоны, страусы, быки. На рисунках не только переданы все характерные черты этих животных, не только соблюдены пропорции, но и превосходно схвачены моменты движения и покоя»¹⁸.

Одаренный народ, жизнелюбивый, стойко сопротивляющийся невзгодам, — таким выглядит, по описанию русского ученого, коренное население немецких колоний в Африке. Но в какие ужасные условия оно было поставлено колонизаторами!

На улицах городов Аверинцев встречал группы мужчин, женщин и даже детей-подростков в цепях. Под охраной солдат они подметали улицы, переносили тяжести и выполняли другие тяжелые работы. Это были наказанные за какой-нибудь обычно мелкий проступок: за поступление, например, на работу без рабочей книжки. Вначале провинившегося наказывали 25 ударами, а затем уже надевали на шею железное кольцо, к которому прикреплялись цепи, связывавшие нескольких несчастных друг с другом. Аверинцев признавался, что ему особенно тяжело было смотреть на закованных в цепи детей.

¹⁸ Там же, стр. 65.

Все колонизаторы любят распространяться о своей цивилизаторской миссии среди отсталого населения тех стран, где они господствуют силой оружия. Не отставали в этом и немцы. Попав в немецкую колонию, русский ученый убеждался в разительном противоречии слова и дела немецких носителей «культуры». О культурной работе англичан и немцев среди местного населения Аверинцев также был самого прескверного мнения. Да о какой культурной работе вообще могла идти речь? Только лишь о миссионерстве. Сергей Васильевич отметил ничтожные успехи христианства, но зато широкое распространение в глубь континента ислама.

Нищета, невежество, дикие суеверия — вот что бросалось в глаза нашему путешественнику при посещении им африканской деревни. Вся природа, по убеждению местного населения, населена духами, добрыми и злыми, но злых больше, и убережешься от бед и неприятностей почти невозможно. Все сколько-нибудь выделяющееся в природе пугало. Аверинцев рассказывает, как однажды носильщиков привел в страшное замешательство огромный шмель! Никакой медицинской помощи больным не оказывалось. Они были предоставлены произволу судьбы. Сергей Васильевич очень жалел таких несчастных и помогал чем мог. Однажды к нему обратился африканец с язвами на ногах. «Я дал ему йодоформ, и бедняга был нескончаемо обрадован лекарством».

Удивительную закономерность наблюдал Аверинцев в Африке: самые богатые плодородные земли отличались нездоровым климатом. Иногда население целых районов поголовно болело малярией. Местный климат Аверинцев называет убийственным; мангровые болота, широко повсюду распространенные, были рассадниками малярии. Каждый комар, которого видел ученый, был или анофелесом, или того хуже.

Наш путешественник решил заняться истреблением комаров и с этой целью сконструировал ловушку, которой он очень гордился и усиленно ее рекомендовал для малярийных местностей.

Существо немецкой колониальной системы ясно характеризуют следующие строки отчета Аверинцева: «Немцы не только не стремятся научить негров своему языку, но даже, напротив, принимают все меры против этого. По моему мнению, подобная политика служит и всегда будет служить значительным тормозом, препятствующим развитию негров и приобщению их к культуре. Однако к этому большинство господствующего элемента вовсе и не стремится; в неграх видят лишь дешевые рабочие руки, которые едва ли заслуживают лучшего обращения, чем рабочий скот. Я никогда не мог спокойно видеть необычайно презрительного отношения к „черным“, которое проявляется у большинства европейцев решительно во всем. Кулачная расправа, наказание плетью, заковывание в цепи и полное нежелание признать в „черном“ такого же человека, как сам, — напомнили мне худшие страницы из истории нашего крепостного права... Трудно себе представить, до чего обычно доходит ничем, конечно, не оправдываемое презрение белых к черным. Хороших результатов подобные отношения, конечно, не дают, и многие осложнения в рабочем вопросе объясняются именно презрительным и жестоким обращением плантаторов с рабочими туземцами... Господствующее большинство предпринимателей, видя в туземцах не что иное, как дешевый „рабочий скот“, но никак не людей, только и мечтает о сохранении подобных отношений на вечные времена, постоянно прямо и косвенно выражая желание в буквальном смысле закрепостить негров, введя для каждого из них обязательное число рабочих дней в неделю, под страхом на-

казания цепями»¹⁹. Эта длинная цитата из отчета Аверинцева характеризует его как передового русского интеллигента, с возмущением относящегося ко всяким формам принуждения и гнета, ратующего за распространение культуры; для него неграмотный и жестоко эксплуатируемый африканец вовсе не представлял собой «низшего» существа, как то старательно внушали колонизаторы как белому населению колонии, так и черным рабам.

Любопытную черту немецкой колониальной политики отметил Аверинцев: стремясь в глазах подвластного им населения выглядеть «высшей расой», колониальные власти запрещали въезд в колонию необеспеченному населению Германии. Это делалось для того, чтобы африканцы всегда видели в немце господина, человека хорошо обеспеченного и занимающегося такими делами, которые недоступны местному населению. Отметим Аверинцев и еще одно определившееся направление в колониальной политике: использовать африканцев во всех областях хозяйственной жизни как необходимых, но не самостоятельных работников или, как он писал, «подручных» у мастеров-европейцев. Дискриминацию африканцев Аверинцев наблюдал буквально на каждом шагу: африканцы могли ездить по железной дороге только в третьем классе, они получали за свой труд такую оплату (20—30 геллеров в день), которой едва хватало на пропитание.

Зато оклады европейцев были невообразимо высоки. Аверинцев приводит несколько примеров: наемные солдаты-африканцы, собственно довольно «привилегированный» слой населения из туземцев, получали в переводе на русские деньги около 20 руб. в месяц, фельдшер-немец при больнице получал жалованье 150 руб. «Я не говорю уже о жалованье высших чинов администрации»²⁰, — добавлял Аверинцев. На частных предприятиях оклады европейцев были еще выше, чем на государственной службе: «...обыкновенные машинисты из слесарей зарабатывают здесь больше, чем многие инженеры в Европе», — убеждал русский ученый.

Большой досуг, огромные деньги, незначительные культурные потребности, несомненная ограниченность запросов молодых людей, прибывших из Германии на колониальную службу, приводили к процветанию пьянства. Аверинцев пишет, что молодые немцы «все свободное время проводят в кутежах, далеко превосходящих собой то, что наблюдается хотя бы у нас в России в заброшенных уездных городках»²¹. Африканцы не были трезвенниками, но они говорили «пьян, как европеец», указывая тем самым на высшую степень опьянения, очевидно, непостижимую для них.

Повсеместное выселение местного населения из города, которое Аверинцев наблюдал и в Танге и в Дар-эс-Саламе, было предпринято как дискриминационная мера и имело своей целью отделить европейцев от африканцев, арабов, индусов. Никакой заботы о местном населении, даже с корыстными целями, не заметил Аверинцев в немецких колониях. Он пишет о том, что у африканцев слабое здоровье, что они часто болеют и почти никогда не доживают до старости. Не удивительно, что Аверинцев часто из уст плантаторов слышал жалобы на недостаток рабочих рук, а также «на чуть ли не поголовное нарушение контрактов, бегство негров и проч.». Очевидно, условия контрактов, мягко выражаясь, оставляли желать лучшего. Сергей Васильевич побывал на крупных плантациях колонии — каучуковых, сахарного тростника, си-

¹⁹ Там же, стр. 32.

²⁰ Там же, стр. 51.

²¹ Там же.

зая, риса. Иные были в упадке, но каучуковые и сизалевые плантации процветали, и перспективы у них были самые радужные. Культурой с большой перспективой был, по убеждению Аверинцева, хлопок. Для Восточной Африки это была совсем новая сельскохозяйственная культура. Очень хорошее или, как Аверинцев пишет, «отрадное впечатление» произвели на него посадки хлопчатника в негритянских поселениях. Хлопок — трудоемкая культура, и на примере тщательно обработанных полей, на которых произрастал хлопчатник, разрушалась нелепая легенда о лени африканцев. «За этими криками плантаторов и их служащих о лени негра, о плохом качестве его хлопка легко рассмотреть не что иное, как желание сохранить дешевые рабочие руки»²², — легко разгадал Аверинцев помыслы плантаторов. Он не без основания полагал, что и новые налоги — «подымный» и «подушный» введены с единственной целью — заставить местного жителя идти на заработки.

Африканцы с большой любовью, не щадя своих сил, обрабатывали свои крохотные участки. Конечно, особого рвения к работе на плантатора они не проявляли, там их ждали только окрики, удары кулаком и плетью.

Аверинцев заметил две тенденции в колониальной политике: одна отражала интересы самых отъявленных реакционеров, стремившихся удержать старые позиции и противившихся любым мерам, направленным на некоторое улучшение положения африканцев; вторая же намечала проведение таких мер, которые могли бы поднять уровень земледелия у коренного населения. Эта тенденция выражала взгляды более дальновидных колонизаторов: это была забота о курице, которая могла перестать нести золотые яйца.

Колонизаторы-немцы долго строили свое хозяйство на рабском труде. Для англичан рабский труд давно перестал быть выгодным, и после того как Занзибар был объявлен под протекторатом Англии, рабство в нем было запрещено. Немцы в своей колонии — Восточной Африке — были вынуждены издать соответствующие постановления: всякая продажа людей была запрещена, дети, рождавшиеся от рабов, с 1 января 1906 г. объявлялись свободными. Для плантаторов наступили тяжелые времена: они вдруг лишились рабочих рук. Аверинцев слышал жалобы плантаторов — и немцев и арабов. Но хотя причины были одинаковы, он уловил разные ноты недовольства. Немецкие колонизаторы особенно недолго любили уроженцев Индии — торговцев и ремесленников, населявших города немецкой Восточной Африки: этот предприимчивый люд азиатских стран был тесно связан со своей родиной, куда уходила их прибыль, нажитая в колонии. Конкуренция с ними мелких предпринимателей-немцев была, по мнению Аверинцева, немислима: индийцы хорошо знали язык и нравы африканских народов, со многими у них была общая религия — ислам.

Несколько раз побывав Аверинцев в Занзибаре, хорошо узнал и остров и город — былой центр арабского владычества над всей Восточной Африкой. В силу этого население острова отличалось необыкновенной пестротой. «Здесь можно встретить представителей народов трех частей света, — писал Аверинцев, — именно европейцев, главным образом, конечно, англичан, затем индусов, арабов и даже малайцев и, наконец, негров самых различных племен, начиная с васуахили и кончая маниема и варуа». Самый остров он сравнивал с гигантской корзиной роскошной зелени, вокруг которой плещутся вол-

²² С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1466.

ны океана. Город Занзибар удивил его своим обликом. «Город куда больше других пунктов восточной Африки сохранил свой восточный арабский колорит, почти не поддавшись европеизации; это сказывается в характере построек, в узком и запутанном лабиринте улиц, в одежде и обычаях населения, т. е. решительно во всем. Дома, почти все с решетчатыми окнами, тесно прижимаются друг к другу, нигде ни клочка зелени, белые стены, массивные двери, украшенные причудливым резным орнаментом, плоские крыши, запах кокосового масла, гвоздики и еще каких-то пряностей, — все так не похоже на наши европейские города»²³. Поразила Аверинцев огромному количеству ювелиров в Занзибаре и их мастерству, но его пленили не золотые и серебряные изделия, а необыкновенная по изяществу резьба по слоновой кости и черному дереву.

В Занзибаре Аверинцев увидел также такие апельсины, о величине которых он не мог даже предполагать; они впрямь были необыкновенны и по сладости и по сочности. Пожалуй, они оказались единственными фруктами тропиков, понравившимися нашему ученому. Он перепробовал все, но отдавал предпочтение русским яблокам и грушам.

Побережье немецкой Восточной Африки было изучено Аверинцевым, но не с той полнотой, как ему хотелось. Морской берег был почти всюду низкий, поросший мангровой растительностью, которая сменялась рощами пальм и манго, а дальше шла равнина, представлявшая собой степь; редкие баобабы нарушали ее однообразие.

В обратный путь домой Аверинцев отправился вокруг Африки, и таким образом ему удалось посетить Мозамбик — центр португальской Восточной Африки. Ни окрестности, ни сам город не оставили у русского ученого приятного впечатления. Морской берег у Мозамбика (сам город расположен на острове) очень низок, песчан, зелени почти не было; архитектурные сооружения города мрачны и суровы. Затем город-порт Бейра — тоже португальское владение, но Аверинцев склонен был думать, что на самом деле он принадлежал англичанам. Та же ровная болотистая местность, переходящая в опаленную солнцем степь. В городе — невообразимая грязь и огромное количество питейных заведений — баров. У Аверинцева сложилось такое впечатление, что баров было почти столько, сколько жилых домов и учреждений.

Путь ученого шел все дальше и дальше на юг. По пути от Бейры к Лоренсо-Маркесу ночью было видно далекое зарево пожаров: это горела трава в степи. В городе Лоренсо-Маркес он провел несколько дней и хорошо узнал и город и его окрестности. В городе было такое огромное количество солдат, как будто он был на осадном положении — по крайней мере такая мысль пришла в голову нашего путешественника. Но если берега и неживописные окрестности и не отвечали эстетическим вкусам Аверинцева, с научной точки зрения он был доволен результатами поездки: морская фауна побережья была разнообразна, планктон богат, и ученый с большим интересом производил наблюдения и опыты и собрал обильный материал. По мере приближения к Наталью морской берег становился все выше и гористей. Дурбан и слившийся с ним порт Наталь имели вид обычных английских портовых городов. Порт Элизабет, Кейптаун, один из красивейших приморских городов мира, и, наконец, последние африканские территории, где удалось побывать Аверинцеву, — Людериц и Сва-

²³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 49.

копмунд — портовые города немецкой Юго-Западной Африки. Они производили довольно жалкое впечатление своими беспорядочно разбросанными в песках домишками. «Нигде нет не только деревца, но даже травинки, — вообще никакого признака зелени. Дюны подходят к самому берегу, и массы песка сдуваются в море, так что на отливе почти полное отсутствие жизни»²⁴. Таков был унылый вид местности. Когда ехали к Наталу и далее, к Кейптауну, становилось все холоднее. Море было бурно. Высокий берег скрывался в тумане. Все чаще наблюдалось свечение моря, иногда волны казались огненными. Появились птицы, характерные для холодного климата, — пингвины, чайки, которых никогда не увидишь в тропиках, вились над кораблем.

Каждый пункт побережья, где останавливался наш путешественник, хранил в себе память о темных страницах истории: то это было место переправы невольников, захваченных в Центральной Африке, то некогда оживленный рынок, торговавший слоновой костью и рабами, то начало длинного караванного пути в таинственные страны. Об арабском и португальском владычестве напоминали руины крепостей. Под пышной тропической растительностью были погребены остатки необычайно толстых стен, некогда защищавших несправедливость и насилие.

Вот, например, городок Пангани. И река, и бухта, и городок носят одно и то же имя — Пангани. Городок невелик; он насчитывал не более ста лет существования, но с ним связана история колонии. «С этим городком связаны воспоминания о возникновении немецкого владычества в крае, с ним же неразрывны и воспоминания об арабском восстании и о гибели его вдохновителя и руководителя Бушири бин-Салима»²⁵, — писал Аверинцев. Основателя немецкого Восточно-Африканского общества Карла Петерса русский ученый встретил на пароходе во время одного из своих путешествий. Он характеризует этого «деятеля» кратко, но предельно точно, как «известного всему свету, благодаря неслыханным жестокостям над беззащитными неграми...»

Сергей Васильевич рассказал русскому читателю об обмане, вероломстве и преступлениях, какими увенчалось приобретение Германней колоний в Африке. Упомянутый Петерс в сообществе с графом Пфейлем главным образом обманом и подарками различным черным князькам в 1884 г. захватили в свои руки громадную область, нигде, однако, не доходившую до берега, составлявшего в то время часть занзибарского султанства. Годом позднее Германия взяла эти земли под свою «защиту», а в 1888 г. немецкое Восточно-Африканское общество уже арендовало у султана Сеид Халида значительную часть береговой полосы вместе с Пангани. Можно догадываться о том, как усердствовали немецкие капиталисты в новом для них обличье колонизаторов. Об этом Аверинцев не пишет, но продолжает повествование следующим образом. «Здесь загоралась первая искра восстания арабов против немецкого владычества, отсюда вышел и тут же был в 1889 г. на площади казнен взятый в плен вождь повстанцев, умный, богатый и хитрый Бушири бин Салим»²⁶.

Сергей Васильевич задумывался над будущим Африки. Иногда она ему виделась в облике хорошо ему известной южноевропейской страны: густая сеть железных дорог и каналов покрывает ее территорию: ее прекрасные степи и девственные леса исчезнут, заменившись воз-

²⁴ Там же, стр. 66.

²⁵ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1457.

²⁶ Там же.

деланными полями. Перед его мысленным взором простирались плантации, дымили фабрики, вырастали порты, множились фермы и индустриальные города. Аверинцев писал: «Тропической Африке предстоит пережить пышный расцвет сельскохозяйственной и промышленной жизни»²⁷. Но ни эта перспектива, ни те картины расцвета Африки, которые он себе представлял, не радовали русского ученого. Он уже наблюдал оскудение растительного и животного мира тропиков. Ему мерещилось нечто более страшное, именно: истребление колонизаторами коренного населения континента. И мы читаем строки, исполненные необыкновенной грусти: «Исчезнет и обаяние тропиков, исчезнут населяющие их редкостные растительные и животные формы, а вместе с ними исчезнут и исконные обладатели континента — негры»²⁸.

Неоднократно Сергей Васильевич обращал внимание на самоубийственную политику колонизаторов, выражавшуюся в полнейшем пренебрежении к интересам коренного населения страны. «Белые ничего не сделали, чтобы привлечь к себе население», — писал он. Русский ученый был безусловно высоко гуманен, но во многом наивен. Он не понимал, что колониальная политика немцев не могла быть такой. Чуждый расовых и иных предрассудков, Сергей Васильевич отшатнулся с отвращением ко всяким проявлениям расистских теорий. Уже тогда подобные человеконенавистнические взгляды внедрялись колониальными властями особенно в умы немецкой молодежи, предназначенной к работе в колонии. В этом мог убедиться русский профессор, беседуя с только что окончившим университет в Германии неким Вале, который приехал в Африку, чтобы изучить экономику колонии, да, кстати, и поработать ассистентом на плантации. Всем был хорош этот юноша — и образован, и умен, и воспитан, но... И вот это «но» сильно отталкивало Сергея Васильевича. «Но с ним я все-таки не мог сойтись во взглядах на негров», — пишет русский ученый, который, как явствует из этой фразы, имел по данному вопросу споры и с другими людьми. И нередко предвидение иной исторической судьбы населения Африки озаряло Сергея Васильевича. Тогда он писал: «Рано или поздно искра будет брошена; где это произойдет — сказать трудно, но взрыв охватит большое пространство, не минует он и восточной Африки...»²⁹.

О своем пребывании в Африке Сергей Васильевич рассказал в «Предварительном отчете о поездке на стипендию, учрежденную при Бейтензоргском Ботаническом саде». Для более широкого круга читателей им была написана большая статья «По побережью Черного континента», которую журнал «Природа» напечатал в 1912 г. в двух номерах. Насколько мне известно, больше Сергей Васильевич никогда не касался в печати своих африканских впечатлений.

Заслуженный деятель наук профессор Сергей Васильевич Аверинцев умер в Москве в 1957 г. на 82-м году жизни. По своим качествам ума и характера он принадлежал к тем людям, со смертью которых трудно примириться. Его бывшие студенты помнят о нем, как о талантливом преподавателе, умевшем ясно, точно и увлекательно излагать труднейшие проблемы. Коллеги ценили в нем эрудита, выдающегося специалиста, любили за скромность, отзывчивость, справедливость. Он оставил о себе действительно долгую память. До сих пор в наших советских вузах студенты учатся по учебникам, написан-

²⁷ Там же, стр. 1443.

²⁸ Там же, стр. 1444.

²⁹ Там же, стр. 1458.

ным профессором Аверинцевым. Сергей Васильевич написал свыше трехсот книг и статей: это и серьезные труды, доступные специалистам, и педагогические курсы, и научно-популярные работы. В науке им был сделан ряд открытий; один вид простейших (жорноножек) был назван именем русского ученого — «аверинцевия»; золотые медали, премии, ученые степени и звания свидетельствовали о признании заслуг Сергея Васильевича. Огромное практическое значение имели его труды по ихтиологии. Он был одним из инициаторов создания первой флотилии рыболовных траулеров в северных морях СССР, им была составлена карта распределения сельди в Баренцевом море и разработана методика прогнозов весеннего лова сельди. Советское правительство высоко ценило труды Сергея Васильевича. Он был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и до конца жизни был экспертом по рыболовству.

В статьях о Сергее Васильевиче, которыми отмечались его юбилеи, в некрологах — о пребывании его в Африке даже не упоминалось. Действительно, в научной биографии ученого это вынужденное путешествие в Африку было сравнительно небольшим эпизодом. Но каждый шаг человека отмечен печатью его индивидуальности. Поэтому и все написанное Сергеем Васильевичем Аверинцевым об Африке представляет большую ценность. Русский ученый был талантлив, обладал острой наблюдательностью, круг его интересов был широк. Сергей Васильевич принадлежал к передовым деятелям русской науки, расистские теории ему были чужды и отвратительны. Вот почему его перо нарисовало яркие, запоминающиеся картины колониальной немецкой политики. Свое отрицательное отношение к колонизаторам он передал читателю, как передал и свое чувство уважения к коренному населению, угнетенному, забитому, но жизнедеятельному и талантливому.